

безответственный бойкот и принципиальную оппозицию людей, стоящих как бы вне России, вне русской государственности, вне национального единства. Мы должны преодолеть формальное принципиальное противоположение общества и государственной власти, должны сознать себя положительной силой, действующей внутри единой великой России, ответственными гражданами своего отечества.

Роль третьего сословия в России

Давно уже и много раз указывали на то, что промышленная буржуазия не играет у нас той- освободительной политической роли, какую играла на Западе, и что это печально для политического развития России. Буржуазия все еще не [с]делалась у нас политически сознательным третьим сословием. Наша буржуазия была малокультурна, боялась власти, не порвала еще с прошлым хищнического купечества, была подавлена передовой экономической ролью иностранцев-капиталистов в России. Сословия вообще были мало развиты в России и подавлены бюрократией. Исток нашей буржуазии — старое русское купечество. По наследству не получила она никаких гражданских чувств и никаких политических притязаний. Старые навыки, унаследованные от купечества, делали нашу буржуазию экономически не творческой, политически покорной и боязливой. Творческая инициатива была слишком ничтожна в русской буржуазии. Сравнительно недавно она выходит из состояния подавленности и делается культурным слоем. Очень важно отметить, что русская буржуазия всегда была идейно загнанной и отверженной, никогда не получала никакой идеологической санкции. Сначала была она под презрением дворянским, а потом под презрением интеллигентским. Это не способствует расцвету. И русская буржуазия не знала периода духовного подъема. Она всегда определялась, как служащая своим личным и классовым корыстным интересам, а не интересам общенациональным и общенародным. Она и сама себя так ощущала и потому не могла играть никакой творческой роли в развитии России. Это был показатель низкого уровня индустриального развития. В поздний час выступило у нас третье сословие, и никто уже не верит, что оно — народ. На смену

дворянства, как передового сословия в прошлом, у нас пришла не буржуазия, не третье сословие, а разночинная интеллигенция, и она определила наше идейное развитие. Это явление специфически русское. У нас совсем не было буржуазных идеологий, не было идейной буржуазии.

А без идейной санкции невозможна никакая творческая роль. Спать класс и внушить ему чувство достоинства может лишь идея. Буржуазия в России была распылена исключительным господством интересов. В глазах широких слоев русской интеллигенции всякий буржуа, всякий промышленник — нравственно отверженный эксплуататор, за ним отрицается всякая положительная роль. Душа русского народа не хочет, чтобы Россия по европейским образцам прошла буржуазный период развития. Мы не могли уже верить в общечеловечность буржуазных идеалов и нас не пленяли плоды буржуазных революций на Западе. Очень характерно, как был перенесен на русскую почву марксизм. Марксистская схема признает творческую роль промышленного капитализма и прогрессивную роль буржуазии на известной стадии развития. Но в русском марксизме ничего подобного не оказалось. В России капитализм был еще в начальной стадии своего развития, и буржуазия еще не созрела для своей роли. А русские марксисты стали утверждать, что буржуазия уже разлагается и близится переход капитализма в социализм. Так выходило по процессам головным, а не жизненным. В голове марксистов буржуазия начала разлагаться, когда в жизни она лишь начала слагаться. Социал-демократы хотели привить в России классовый пролетарский пафос, когда буржуазия еще не выступила на арену истории и не сказала своего слова. В сущности, русская социал-демократия оставалась замаскированным народничеством. От народничества она получила целый ряд нравственных суждений, берущих под подозрение само промышленное развитие. Точка зрения классовых интересов окончательно вытеснила точку зрения национального развития. Эта исключительно классовая точка зрения, окрашенная к тому же в русско-аскетический моральный цвет, помешала русским социал-демократам понять, что по марксистской же теории в России предстоит еще буржуазии сыграть политически и экономически прогрессивную роль. Чистого марксизма не принимала душа русского интеллигента, все же национальная душа, душа, отвращающаяся от буржуазности, но не умеющая

понять, что отвращение к буржуазности есть явление духовное, а не материально-классовое.

Но промышленное развитие России нельзя рассматривать исключительно как классовый интерес промышленников. Промышленное развитие есть также и общенациональный, общенародный интерес, и оно необходимо для самого рабочего класса. На известной стадии промышленное развитие не может обойтись без капитанов промышленности, без передового класса промышленников, хотя необходимость эта не должна быть превращена в неотвратимую схему. Класс промышленников может быть прогрессивным культурным слоем, сознающим свои общенациональные задачи и свои обязанности перед рабочим классом, а может быть, классом хищников, для которого существуют лишь корыстные классовые интересы. До сих пор у нас преобладал второй тип. Но наступило время для культурного и политического подъема промышленного слоя, для осознания им миссии общенациональной и для ограничения хищнических appetитов, без которого никакая национальная миссия не может быть выполнена. Инстинкты национальной творческой производительности должны возобладать в промышленном классе над инстинктами стяжательства и нечистого обогащения. Тогда только класс становится под знак исторического общенационального дела. В промышленном классе России должна выработаться культурная и нравственная энергия, без которой он не может сыграть никакой положительной роли. Историческая роль предполагает сознание своей миссии и способность к самоограничению и жертве. Хищничество само по себе не может быть исторической силой. Если в русском промышленном классе воля к угнетению рабочего класса и к борьбе против нарождающегося рабочего движения победит волю к экономическому и политическому творчеству, то класс этот превратится в силу реакционную и не будет призван к историческому делу. Исключительная классовая точка зрения социал-демократии толкает промышленный класс на этот путь и обрекает его на реакционность.

Но классовая точка зрения должна быть подчинена точке зрения национальной, задачам страны и народа, как целого, и с этой точки зрения и промышленники не могут быть отверженными, и они должны быть призваны к делу служения России. У третьего сословия есть свой камень за пазухой против рабочего класса, свои специфические интересы, которыми мы не можем проникнуться

и которым не можем сочувствовать. Но мы можем признать положительное значение третьего сословия для промышленного развития России и для политического освобождения, нимало не сочувствуя специфически классовым его интересам. Можно понять и учесть роль буржуазии, нимало не заражаясь буржуазностью и не сочувствуя буржуазному духу. Можно бороться с буржуазным духом и все же признавать роль буржуазии во внешнем историческом плане, где все относительно и ступенно. Борьба с буржуазностью есть более духовный факт, чем факт социально-политический, и он предполагает духовную абсолютность, не переносимую непосредственно в относительность исторического мира. С высшей точки зрения и рабочий класс буржуазен, и социализм буржуазен, так как буржуазность есть состояние духа. Классовая точка зрения есть социологическая абстракция, и она не может определять конкретной исторической жизни народов, в которой действуют сложные силы. Так, например, социологическая абстракция дворянства или буржуазии не

покрывает той сложной русской действительности, в которой действуют общеземский; союз или общегородской союз¹, возвышающиеся над классами до политики общенациональной.

II

Нынешний исторический момент в России стоит под знаком возрастания третьего сословия. Классовая точка зрения очень относительная и подчиненная и ею нельзя пользоваться слишком широко и неограниченно. Но не нужно быть марксистом, чтобы увидеть значение промышленной буржуазии в наступающий исторический час. Война остро обнаружила всю важность промышленного развития для России, для ее безопасности и охраны, и всю недостаточность, всю убогость нашей промышленности.

Нынешняя война — индустриальная война, и она глубоко отличается от прежних войн, связанных с преданиями рыцарства, с дворянством, с личной доблестью. Ныне происходит война капиталистических обществ, тон которым задает Германия, и она не имеет прежнего благородного военного стиля. Это — война буржуазная, хотя требует она не меньшей, чем прежде, может быть, даже большей жертвоспособности и закала духа. Героизм войска — необычайный. И все же нынешняя война бесстыльна

по сравнению с наполеоновскими войнами. Буржуазно-промышленный стиль войны еще не кристаллизовался и труднее всего его выразить нам, русским, отвращающимся от всего буржуазного. Но ясна для всех двусторонняя истина: победа невозможна без промышленного развития и промышленное развитие невозможно без победы. Русский промышленный класс это осознал и связал с политическим положением страны. Наша индустриальная отсталость оказалась для нас роковой. А вся наша бюрократическая система ставила препятствия для развития во всех направлениях. Все это связывается в один узел. Чтобы узел развязался, московские промышленники должны победить петроградских бюрократов. Те, которые противопоставляют нашу русскую святость немецкой промышленной технике, грубо смешивают совершенно разные планы, и это смешение производит впечатление почти кощунственное. Пусть те, которые строят эти прекрасные теории, сами попробуют повоевать в окопах безоружными, с голыми руками. Ведь техника вооружения есть одно из орудий духа на известной стадии его развития. Само промышленное развитие есть манифестация человеческого духа, и дух буржуазный, связанный с индустриализмом, есть поработанный дух, соответственно обнаруживающий себя вовне. Но дух может выковывать себе орудия, не попадая в буржуазный пден у внешнего. Необходимость промышленного развития остается императивом для деятельности духа во внешнем мире, в природно-историческом плане, на известной стадии мирового развития.

Спиритуалистическое отрицание необходимости материального развития есть ложный дуализм, противопоставляющий дух и материю, и ложный монизм, применяющий к относительному материальному миру абсолютные духовные критерии. Этому дуализму нужно противопоставить истинный монизм, для которого материальная действительность есть лишь манифестация и символизация духовной действительности, а этому монизму — истинный дуализм, расчленяющий и разделяющий планы внутренне-мистический и внешне-материальный. И тогда необходимость промышленного развития для России может быть духовно оправдана. Реакционный утопизм и романтизм являются подменой необходимых нам материальных орудий уже существующими духовными ценностями. Буржуазному духу нельзя противопоставить промышленную отсталость — ему нужно противопоставить иной дух, независящий ни от каких

экономических факторов. Экономическая отсталость и слабость сама по себе есть недостаток, а не избыток духа. И можно говорить лишь о том, чтобы промышленное творчество было вдохновлено иным духом, а никак ни о том, чтобы промышленного развития не было, или чтобы оно было остановлено на примитивной стадии. В русском аскетическом отношении к промышленной предприимчивости была своя правда, но было и совершенно ложное смещение разных плоскостей.

Война обнаружила угрожающую недостаточность созидательной промышленной инициативы русских, подавленность и угнетенность инициативой немецкой. Обнаружилась также и неразрывная связь промышленного развития с политической самостоятельностью общества и народа, с правом общественно организоваться и действовать самостоятельно. Промышленники должны сыграть немалую роль в победе. А это неразрывно связано с осознанием ими своего общественного политического значения. Это рост третьего сословия, как самостоятельной общественной и политической силы, все время чувствуется в речах П.П. Рябушинского, очень характерного представителя либеральной промышленной буржуазии.

Нам по пути с ним, хотя цели наши очень разные, и раньше или позже пути наши разойдутся. Мы должны сознать, что для выхода России из тупика большое значение имеет возрастание экономической и политической силы третьего сословия, подчиненного идее национальной. Но Россия не может и не должна просто повторять путей Западной Европы. Повторений нет в истории, в ней все индивидуально. Да и мировая война настолько колеблет устои капиталистического хозяйства, что после небывалого ее опыта хозяйственная жизнь народов вступит на путь непредвиденных социализации. Поэтому и в рост промышленного капитализма в России будут внесены совершенно новые черты, ограничивающие хаотичность и корыстность частных хозяйств.

III

Война 1812 года стояла под знаком дворянства и была окрашена в ярко дворянский цвет. Дворянство было самым передовым и культурным сословием, наиболее патриотическим и активным в деле спасения родины от вражеского нашествия. В Отечественной

войне был благородный дворянский стиль. «Война и мир» — прежде всего дворянская эпопея.

Из передового офицерства 12-го года вышли декабристы. Портреты наших предков, героев 12-го года, говорят о расцвете дворянства. Ничего подобного нет в войне 1915 года. За столетие до неузнаваемости изменилась Россия. Дворянство все еще продолжает держаться за власть, но падает все более и более. Оно отцветает, в нем появляются все признаки упадочного сословия, сходящего с исторической сцены. В дворянстве, как классе, нет уже способности к энтузиазму, к бескорыстному служению родине, к увлечению идеями. Современное объединенное дворянство носит на себе черты творчески бессильной, озлобленной в цепляний за свои интересы социальной группы. В обликий дворянства, как класса, нет уже красоты. Интересы современного отживающего дворянства не отождествляются с интересами России. Общенациональная, общенародная роль дворянства кончилась. Дворянство, как сословие, не играет никакой самостоятельной и значительной роли в этой войне, оно не обнаружило того патриотического подъема, какой обнаружили другие общественные слои.

Правда, отдельные дворяне очень много делают для войны, но как личности, как индивидуальности, в качестве земцев, членов Государственной Думы, писателей и пр., а не как представители сословия. И это — дворяне, отрекающиеся от борьбы за сословные дворянские интересы. Кн. Г.Е. Львов работает для России не как дворянин, а как земец, ничего специфически дворянского нет в его общественной деятельности, хотя в его душевном облике есть черты старинного дворянского благородства. Лучшая часть нашего дворянства растворяется в прогрессивной бессословной общественности, в земщине. Дворянство, как социальное целое, не сказало своего слова в грозный час русской истории. Оно неспособно уже к национальному служению, а способно лишь к реакционным интригам. Традиционная национальная фразеология дворянства — ветхие, пустые слова, риторика, которой уже никто не верит. Живых слов нельзя уже услышать от некогда первенствовавшего и передового сословия.

Нынешняя война стоит под знаком скорее третьего сословия, чем дворянства, если уж говорить о классах, и она окрашена в промышленный цвет. Промышленный класс очень активен и патриотичен в нынешнюю войну, национально и вместе с тем

прогрессивно настроен и хочет послужить войне и победе развитию России, а не задержкой развития. Современная война требует не столько дворянских, сколько промышленных качеств. Повторяю, современная война — не рыцарская, а индустриальная. Это может печалить, но этой истине нужно прямо смотреть в глаза, ничего не приукрашивая. Меня печалит вырождение и увядание дворянства. С гибелью дворянства гибнет много старой красоты и благородства. Русская литература создана главным образом дворянством. В идущем на смену третьем сословии много некрасивого, грубого, неблагородного, цинически корыстного, слишком беззастенчиво пробивающегося в первые ряды. И мне кажется, что душа России никогда не пленится буржуазными идеалами жизни. Россия не должна идти по буржуазному пути.

Но утешает то, что прекрасное и ценное в дворянском душевном тоне — дворянская честь и благородное великодушие становятся свойствами общечеловеческими, переходят в другие социальные группы. Третье сословие выступает в России на историческую авансцену. Это необходимо признать и принять, даже если это нам не нравится. Но третьему сословию не может быть предоставлено безраздельное господство. Россию нельзя уступить промышленникам. Их господство опасно. Своекорыстные интересы класса промышленников должны быть ограничены силой сверхклассовой, общенациональной правды. Мы хорошо уже знаем, что третье сословие — не народ. Русский либерализм не должен быть буржуазно-классовым — за ним стоит не только класс промышленников, но также русская земщина и русская интеллигенция. Земщина — зерно своеобразной общественности и своеобразной государственности. Мы можем принять и признать роль третьего сословия лишь в меру совпадения его интересов с интересами национальными. Промышленный класс может быть лишь одной из действующих сил и должен быть ограничен другими силами. И определяющей силой всегда остается своеобразная душа русского народа, имеющая свою особую судьбу.

IV

Индустриализация России, мучительный переход ее к промышленному капитализму означает не только выступление на историческую арену промышленников, но также и выступление рабочих. Возрастающее значение третьего сословия имеет своей

обратной стороной возрастающее значение четвертого сословия. В промышленном развитии России значение имеют не только капиталисты-промышленники, но также прежде всего и более всего сами рабочие. Положение рабочего класса должно быть культурно и экономически поднято. Рабочим должна быть предоставлена возможность организоваться, защищать свои интересы и ограничивать интересы капиталистов. Безумно было бы говорить о роли промышленников для России и для войны и забыть о роли рабочих. Рабочий класс должен стать национальной силой и по собственному своему сознанию, и по оценке, которую ему должны давать другие слои общества. В рабочем классе должно возрасти общенациональное сознание и возобладать над сознанием исключительно классовым. Рабочий класс должен почувствовать свое единство с Россией, с целым. А это предполагает коренное изменение отношения к рабочему классу со стороны власти и других классов общества. В экономической классовой борьбе рабочих и капиталистов не должна быть признаваема государственная монополия за капиталистами.

Государство обязано защищать интересы труда и приводить это в связь с защитой интересов промышленного развития страны, промышленного развития, а не промышленников. Развитие промышленного капитализма в России неотвратимо, но русский промышленный капитализм не будет копией западно-европейского. Параллельно будет совершаться государственная и муниципальная социализация хозяйства. И борьба классов может быть смягчена и подчинена ценностям общенациональным и общенародным. Исключительное господство в государстве интересов промышленников-капиталистов толкает рабочий класс на путь классовой борьбы, разрушающей единство нации. И лицемерно было бы за это осуждать рабочих. И третье сословие, и четвертое сословие сыграют положительную историческую роль в меру подчинения своих интересов интересам общенациональным и общенародным, в меру преодоления интересов во имя ценностей. Кроме классов, сословий, социальных групп, существует еще и прежде всего Россия, как единое целое, как мистическая реальность, существует русский народ, нация. Нам близка и дорога Россия, русский народ, а не те или иные классы, и мы для нее хотим работать. И со сверхклассовой, национальной точки зрения мы видим, что третье сословие идет в России к власти, но это движение найдет себе ограничение в идеальном своеобразии

русского народа и в возрастающей силе и значении четвертого сословия, которое должно находить себе защиту в сверхклассовом и сверхсословном государстве, в национальном и социальном государстве, приведенном в соответствие с духом русской земли, и в организованной общественности.

